

тер идеологии летописи оставался, конечно, как правило, господствующим на протяжении всего летописного периода русского летописания XI—XVI вв. За это время летописная форма изложения способствовала собиранию и накоплению исторических фактов и знаний. Летопись как свод до поры до времени поэтому была незаменима. Летопись была не только наполнена большим количеством фактов, но в огромных сводах XVI в. перегружена ими. В связи с усложнением условий общественной жизни, с новыми явлениями в социально-экономической и культурной жизни страны, когда подготовлялись предпосылки для превращения исторических знаний в науку, когда на место теологического объяснения требовалось установление причинности, летопись с ее погодной формой изложения уже не удовлетворяла возросших запросов. Становилось все более и более осязательным, что факты, взятые сами по себе, факты без идей — «сор для голов и памяти» (как писал в свое время В. Г. Белинский).⁷⁵ В XVII в. исторические произведения приобретают еще большую политическую заостренность и злободневность. Если Повесть временных лет являлась сводом источников и идей своего времени, включая наряду с феодальной идеологией и народный эпос, то «Синописис», несмотря на заведомую компилятивность, таким сводом уже не был и являться не мог. «Синописис» — это уже не летопись, но еще и не история.

Редакционная работа автора «Синописиса», которую он проделал над своими источниками, настолько велика и отлична от редакторских приемов летописания, что ее скорее нужно приравнять к работе историка, чем летописца. Однако составитель «Синописиса» во многом поступал как летописец: он сводил, компилировал источники, часто оставляя их без анализа и проверки. Но дело не только в формальном отличии приемов написания произведения. Дело в другом: насколько научное мировоззрение вытеснило религиозное, насколько закономерность в объяснении исторических событий и фактов брала верх над телеологическим пониманием истории. Автор «Синописиса» — церковник. Его идеология феодально-монархическая, религиозная. Но, продолжая верить в бога, по-прежнему объясняя действия людей божественным промыслом, он не был чужд известного понимания закономерности, конечно в идеалистическом смысле.

В важном вопросе о начале древнерусского государства, всегда злободневном в науке, автор стихийно встал, как мы видели выше, на путь признания самостоятельного происхождения государственности на юге и севере, в Киеве и Новгороде. Государство, точнее княжеская власть, не принесена извне, а возникла в результате внутренней необходимости. Как понимал ее автор «Синописиса»? Уже первые славянские князья создают на юге «грады и места ради тишайшего жития и прибежища». Позднее княжеская власть являлась для «российских народов» организацией порядка в «великом междуусобии и многом настроении».

Отрицать элементы научности у автора первой печатной книги по русской истории, думается, неверно. Это значит не видеть того нового, что пробивало себе дорогу сквозь старую средневековую идеологию и летописную форму повествования.

Элементы научности также видны в критическом подходе к отечественным и иностранным источникам. Правда, автор не всегда уточнял свою точку зрения, часто ограничиваясь простым воспроизведением различных мнений и версий, но сам принцип постоянного и систематического сопоставления и проверки источников и литературы уводил его далеко от летописной манеры работы. Даже умолчания и тенденциозность, ведущие часто

⁷⁵ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, М., 1926, стр. 453.